

Мария Бершадская
Семь с половиной крокодильских улыбок

Большая маленькая девочка – 4

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8909308

«Большая маленькая девочка. История четвёртая. Семь с половиной крокодильских улыбок. : [для мл. шк. возраста : 0+] / Мария Бершадская ; ил. Саши Ивойловой. – 2-е изд., стереотип.»: КомпасГид; Москва; 2014

ISBN 978-5-00083-077-2

Аннотация

Женя – большая маленькая девочка. С одной стороны, в семье она младше всех, даже своей любимой таксы Ветки, а с другой – чтобы заплести ей косички, маме каждое утро приходится вставать на табуретку.

Вообще Женя точно такая же, как все другие семилетние девочки. Она терпеть не может, когда её разглядывают или считают какой-то особенной. Она умеет чистить картошку так, чтобы шкурка превращалась в тонкие длинные ленточки. Умеет пришивать пуговицы – почти так же красиво, как папа. А ещё у неё отлично получается рассказывать разные истории – потому что с ней всё время случается что-нибудь интересное...

В четвёртой книге «Семь с половиной крокодильских улыбок» Женя наконец идёт в первый класс. Она давно мечтала о том, как наденет большой красивый бант, познакомится с весёлой учительницей и быстро подружится с соседкой по парте... Только вот почему-то всё сразу не заладилось. Накануне Женю отвели к стоматологу, и она лишилась всех своих крокодильских улыбок. А первого сентября обнаружила, что ей не только парта, но и вся школа МАЛА. Как же теперь быть? Может, лучший друг Мишка, как всегда, что-нибудь придумает?..

Книги Марии Бершадской о большой маленькой девочке рассказывают о Жене, которая вытянулась выше самого высокого в мире баскетболиста, и о том, как здорово и как сложно быть непохожим на других. На протяжении двенадцати книжек Женя всё ещё растёт – она меняется, взрослеет. Папа ей говорит, что у каждого человека, даже если он уже вырос, есть ещё какой-то ВНУТРЕННИЙ РОСТ. Жене пока не очень понятно, что нужно делать для этого роста, который внутри. Гулять под дождём? Петь песни? Есть какую-нибудь полезную гадость? Мы тоже этого пока не поняли, но, может быть, прочитав эти двенадцать историй, мы тоже немножко вырастем?

В формате pdf А4 сохранен издательский дизайн.

Мария Бершадская **Семь с половиной крокодильских улыбок**

© Бершадская М., текст, 2014

© ООО «Издательский дом «КомпасГид», 2014

* * *

История главная **Про меня**

* * *

Меня зовут Женя. Мне семь лет. В нашей семье я самая младшая. Даже такса Ветка старше меня на целый год.

Надо попросить, чтобы мне подарили хомячка или рыбку. Хотя бы для них я буду взрослой!

И я, самая маленькая в семье, – большая. Очень, **ОЧЕНЬ** большая.

Я родилась самой обычной девочкой. Но почему-то росла очень быстро. Мне рассказывали, что за ночь я **ТАК** выростала, что кофточка с длинными рукавами, в которой меня укладывали спать, к утру казалась на мне крошечной маечкой.

К счастью, сейчас я уже перестала расти.

Но мне всё равно трудно бывает понять, какая я – маленькая или большая.

Когда я прошу у Ани послушать её музыку в плеере, она говорит, что я не пойму, потому что я ещё маленькая.

А когда я не хочу собирать перед сном конструктор, мама говорит, что глупо капризничать, потому что я уже большая.

Получается, что я – **БОЛЬШАЯ МАЛЕНЬКАЯ ДЕВОЧКА**.

Вообще я точно такая же, как все другие семилетние девочки. Терпеть не могу, когда меня разглядывают или считают какой-то особенной.

Я умею чистить картошку так, чтобы шкурка превращалась в тонкие длинные ленточки. Умею пришивать пуговицы – почти так же красиво, как папа.

Папа говорит, что у каждого человека, даже если он уже вырос, есть ещё какой-то **ВНУТРЕННИЙ РОСТ**. Я понимаю, как растут цветок или огурец – их нужно поливать. А что нужно делать для этого роста, который внутри, я не понимаю. Гулять под дождём? Петь песни? Есть какую-нибудь полезную гадость?

Может, внутри меня растёт невидимый и удивительно прекрасный огурец. И с каждым днём он становится больше. Это было бы здорово, я люблю огурцы!

А ещё я люблю рассказывать разные истории.

Наверное, мой **ВНУТРЕННИЙ ОГУРЕЦ** от этих историй – растёт. Главное, чтоб он не вымахал **СЛИШКОМ БОЛЬШОЙ**.

Потому что со мной всё время случается что-нибудь интересное.
Вот, например...

История четвёртая Семь с половиной крокодильских улыбок

* * *

Свой первый школьный день я представляла сто пятьдесят раз...
Новый большущий бант, пушистый, как цветок пиона.
Молодая весёлая учительница со светлыми волосами, которые ещё и выгорели на солнце смешными полосками.
Моя соседка по парте. Я ей улыбнусь и скажу: «Привет, меня зовут Женя!» И мы обязательно подружимся...
Я как-то не подумала, что за обычную парту я просто не помещусь.
И вообще всё получилось НЕ ТАК.
СОВСЕМ не похоже на то, о чём я мечтала...

День первый
31 августа, понедельник

Утром я достала из шкафа свою любимую майку с крокодилом.
«УЛЫБАЙСЯ!» – разноцветные буквы чуть-чуть полиняли. И пятно от одуванчика так и не отстиралось.

Когда выпадет снег, я буду в ней спать, чтобы видеть летние сны.

На кухне папа готовил завтрак. Он быстро-быстро взбивал омлет венчиком, а я сидела на своей голубой табуретке. Когда мы ещё жили в маленьком городе, наш сосед, Дядюра, сделал мебель специально для меня. Так появилась круглая длинноногая табуретка и маленький стол совсем без ножек. Мама прикрепила его прямо к стене, чтобы мне было удобно сидеть и пить чай вместе со всеми...

Я натирала сыр для омлета и показывала папе, какие бывают крокодильские улыбки. Вы даже не представляете, КАК умеют улыбаться крокодилы...

Крокодильские улыбки

1. Коварная крокодильская улыбка
2. Застенчивая крокодильская улыбка
3. Дружелюбная крокодильская улыбка
4. Сытая крокодильская улыбка
5. Улыбка влюблённого крокодила (моя самая любимая)

Я уже собиралась показать папе крокодильскую улыбку номер шесть. И тут он прищурился и сказал:

– Ну-ка, ну-ка... Открой пошире.

Я доверчиво распахнула рот.

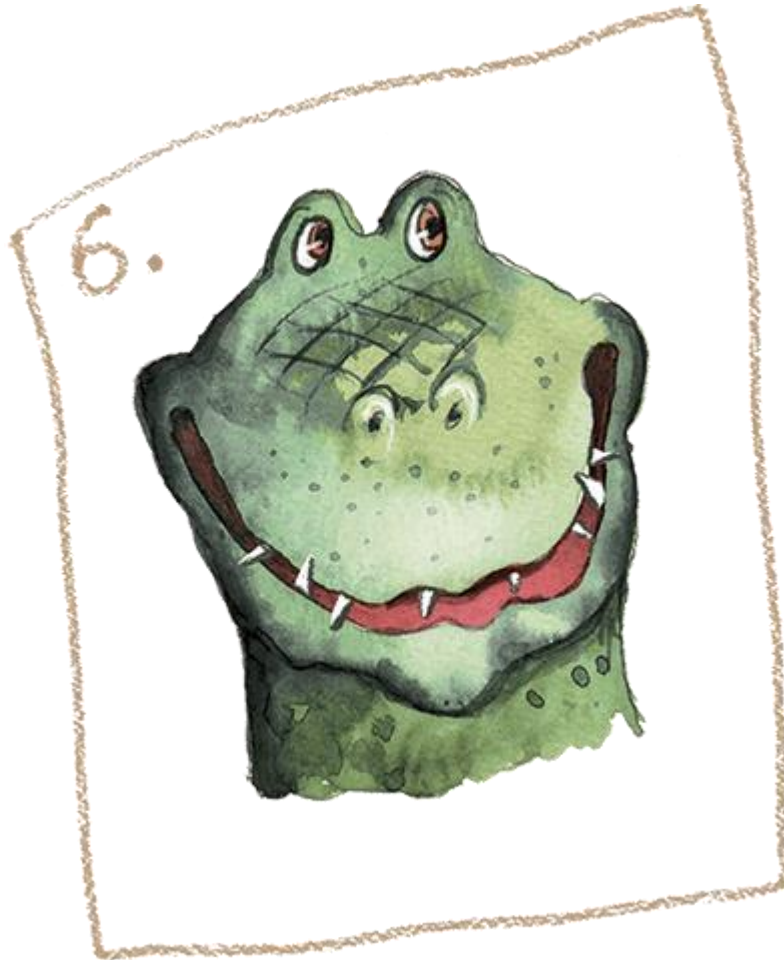
– Так я и думал, – сказал папа. – Уже растут.

– Кто растёт? – шёпотом спросила я.

– Зубы, – прошептал папа. – Молочные не выпали, а коренные уже выглядывают.

Непонятно, почему мы говорим так тихо? Как будто зубы – это дикие звери, которые услышат папу и убегут.

К сожалению, мои молочные зубы не такие пугливые. И нам пришлось ехать в поликлинику.

Беззащитная крокодильская улыбка

Через час я стояла перед зеркалом. На меня смотрела незнакомая девочка в моей майке.

Она улыбнулась, и это была САМАЯ ПЕЧАЛЬНАЯ крокодильская улыбка. Так улыбается крокодил, который сходил в гости к стоматологу.

– Нашла из-за чего расстраиваться, – фыркнула Аня.

Ей легко говорить – это у меня завтра ПЕРВОЕ СЕНТЯБРЯ. А она даже тетрадки не пошла покупать. Заявила, что сделает это осенью, а пока у неё лето.

– Я и не расстраиваюсь.

На самом деле было ужасно обидно. Только слушать всякие утешения мне совсем не хотелось.

Подумаешь! Ну, не буду улыбаться, пока зубы не отрастут как следует. Никто ничего и не заметит.

Зато у меня есть новый бант – пушистый, как цветок пиона.

Вечером всё было готово. Выглаженное платье-матроска пахло солнцем. Новые туфли блестели. В банке стояли красные гладиолусы.

– Не понимаю, почему нельзя пойти в новом платье! – вздохнула мама.

– Потому что оно твёрдое.

– И что, ты каждый день будешь ходить в школу в этой своей матроске?

– Ага!

– Ну почему?!

– Потому что она любимая! Потому что она синяя и притягивает ветер!

Даже маме иногда приходится объяснять самые простые вещи.

День второй 1 сентября, вторник

Первого сентября мы отправились в школу все вместе – мама, папа и даже Ветка. Позади плелась хмурая Аня. Она злилась, потому что мама не разрешила ей пойти в джинсах с дырками на коленках.

Ветер перебирал лепестки моего нового банта. Я открывала рот, глотала холодный ветреный воздух (так, чтобы папа не видел) и становилась счастливой и лёгкой, как воздушный шарик.

Жалко, что я не могла улыбаться. Эта мысль держала меня, как верёвочка.

Может, поэтому я не улетила в небо вместе с букетом гладиолусов и Веткой на поводке.

Потом была линейка. Наверное, она так называется потому, что все должны долго-долго стоять. А от этого ноги делаются прямыми и твёрдыми, как деревянные линейки.

Мы все очень устали. Хотелось прислониться к родителям, но их специально поставили далеко от нас.

А ещё гладиолусы... Оказывается, они **УЖАСНО ТЯЖЁЛЫЕ**.

Сначала Очень Аккуратная Девочка попросила меня подержать её букет. Она долго

поправляла гольфики. Потом вытирала салфеткой туфли. А забрать у меня цветы – забыла.

Рядом с Очень Аккуратной Девочкой стоял Очень Сонный Мальчик. Он всё время закрывал глаза, и я боялась, что он вот-вот уснёт и рухнет на землю. Но когда Очень Сонный мальчик увидел, что я держу сразу два букета, он тут же проснулся. И дал мне свой – только на одну минуточку.

Скоро все гладиолусы нашего первого «Б» оказались у меня в руках.

Нас поздравляли все по очереди, дети и взрослые. Танцевали и пели хором, читали стихи и говорили длинными предложениями, где было много непонятных слов.

Я стояла, обхватив руками этот букетище, и мечтала, чтобы праздник скорей закончился.

В следующем году попрошу маму купить мне что-нибудь лёгкое.

Например, двести граммов ромашек.

Директор школы был очень худым и очень лысым. Его голова блестела, как только что залитый каток.

– Я понимаю, что вы очень устали, поэтому не буду говорить долго, – сказал Директор и вздохнул.

Вид у Директора был скучный. А вот голос – красивый... как бархатная бумага вишнёвого цвета.

– Сегодня вы стали первоклассниками, и я вас поздравляю. Пусть каждый из вас стремится к знаниям – так же, как эти птицы всегда стремятся в небо.

Директор махнул рукой – и две нарядные девочки из одиннадцатого класса подбросили белых голубей. Наверное, голуби слишком долго ждали, когда же их выпустят к знаниям. Они успели уснуть и поэтому не очень-то стремились в небо. Один голубь сразу улетел на ветку и там сердито нахохлился. А второй покружился над нами и решил приземлиться на блестящую лысину директора. Лапы голубя скользили. Он с трудом удерживался на круглой директорской голове, но всё-таки не улетал.

Я думала, Директор рассердится. Но он засмеялся и сказал:

– Вот, даже голубь знает, у кого тут больше всех знаний. Так что идите учиться, дети. Будете такими же умными, как я.

Все уже давно хотели идти учиться. Но бежать в школу самим было нельзя.

Наконец зазвенел колокольчик. Одиннадцатиклассники сразу же кинулись разбирать первоклашек. Получилась небольшая давка. Скоро каждый добыл себе по маленькому испуганному ребёнку с букетом. А вот ко мне никто не хотел подходить.

Все уже стояли парами. Неужели меня теперь не пустят в школу?!

К счастью, какой-то задумчивый старшеклассник тоже остался один.

Мне было очень страшно...

И всё-таки я пошла к нему. Он был самым низеньким, самым чахлым. Зато у него росли пушистые усы. Он сразу сказал, что его зовут Герман. Я вела Германа за руку, и он удивлённо смотрел на меня – снизу вверх.

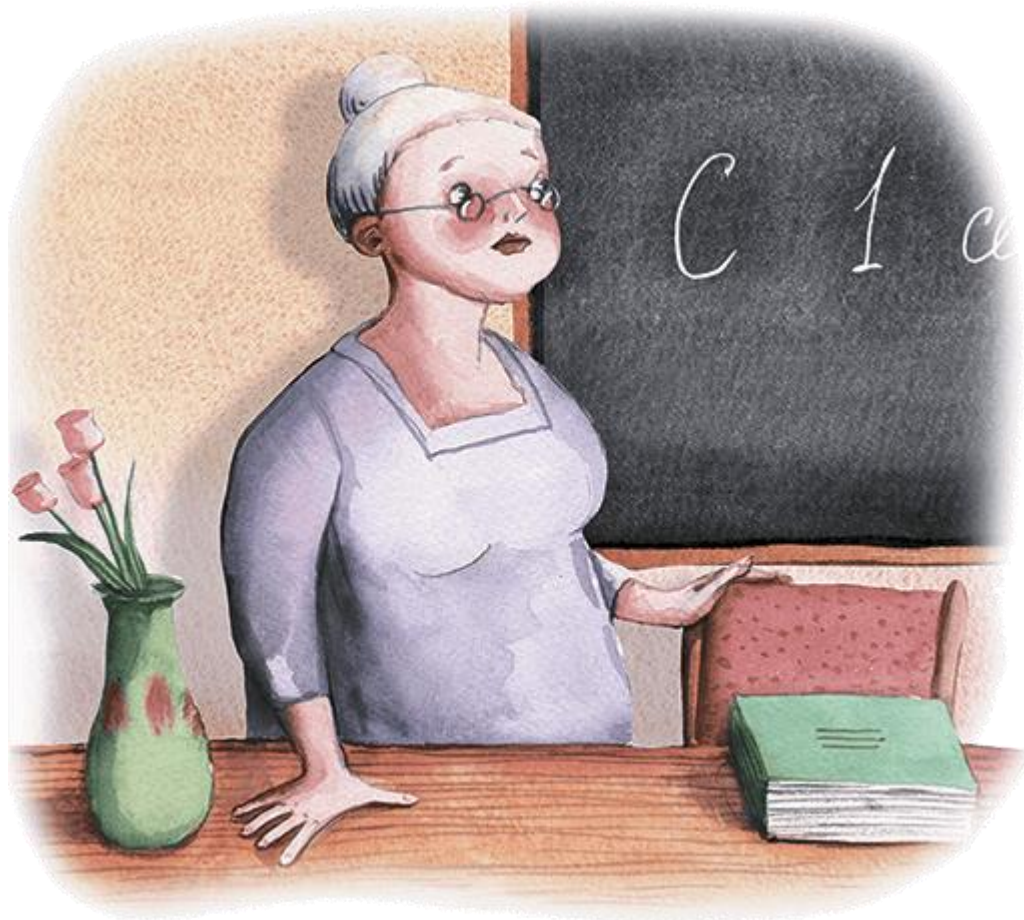
Я сразу поняла, что нам нужно к молодой улыбающейся учительнице. Она была именно такой, как я представляла, – со светлыми полосками на волосах, которые оставило прошедшее лето.

– Ты куда? – удивился Герман, когда я потащила его за собой. – Это первый «А», тебе к бэшкам нужно.

– А я не хочу к бэшкам!

– Так тебя никто и не спрашивает, – фыркнул Герман. – И вообще, я уже опаздываю. Твой кабинет сто третий, налево по коридору.

Ничего себе правила в этой школе. Если попала в «Б»-класс, так это что – уже на всю жизнь?!

– Здр-р-равствуйте, Мар-р-ргарита Р-р-романовна.

Все по очереди дарили учительнице свои букеты.

А я стояла и не могла сделать ни шагу.

Неужели это и есть первый «Б»?!

Больше всего Маргарита Романовна походила на снеговика. Или на снежную бабу. Два больших шара положили друг на друга и сделали тело. Белые волосы сложили в шарик на макушке. На нос надели очки в круглой оправе.

Буквы «Р» пересыпались в её имени, как ледышки. Она ни капельки не была похожа на ту весёлую солнечную учительницу, о которой я мечтала.

– Здравствуй, Женя – сказала она.

Я знаю, я должна была улыбнуться и отдать ей букет.

Но ведь я НЕ МОГЛА улыбаться.

Все крокодильские улыбки лежали дома, в шкафу, завёрнутые в мою любимую майку.

– Здравствуйте, – буркнула я.

Может, папа сказал бы мне, что нужно делать. Но он был далеко. Все родители остались в коридоре. И потом, Аня говорила, что в школе нельзя подсказывать.

Я сделала два большущих шага – мимо учительницы. Вспомнила про цветы, но возвращаться было уже невозможно. И держать эти гладиолусы я больше не могла. Они стали такими тяжёлыми – как будто каждый цветок умножили на десять.

Я наклонилась и воткнула свой букет в трёхлитровую банку. Весь учительский стол

был заставлен цветами в колючей блестящей упаковке.

А дальше всё получилось само собой. Букет начал падать, я потянулась, чтобы его удержать, но почему-то от этого он качнулся ещё сильнее, и банка опрокинулась. И пузатый кувшин, и жёлтая ваза тоже упали.

Вода тут же затопила журнал и стопку открыток «Подарок первокласснику». Я спасала карандаши и ручки, открытки и красный блокнот. Но на самом деле я ничего спасти не могла. Это было настоящее кораблекрушение, и я тонула вместе с листочками бумаги в крупную клетку. Юбка моей матроски насквозь промокла.

Больше всего на свете мне хотелось уйти под воду и вынырнуть где-то далеко отсюда. Оказаться на необитаемом острове, где нет никаких гладиолусов.

Лёжа в кровати, я думала о школе. В сто пятьдесят первый раз.

Оказывается, мечтать о чём-то бывает приятнее, чем вспоминать, как оно было на самом деле. Я так много ревела, что мои косички совсем отсырели. Папа с мамой по очереди утешали меня, а потом решили, что я уже сплю, и ушли.

Ветка лежала и пыхла у меня под боком. Я знаю, она тоже не могла уснуть.

Мама повесила моё промокшее платье на балкон.

Наверное, ему тоже было одиноко – там, в темноте, на ветру.

Я встала и на цыпочках прошла через комнату. Открыла балконную дверь.

Сняла сырое холодное платье и повесила его на стул. И мне стало чуточку легче.

**День третий
2 сентября, среда**

– Здравствуйте, Маргарита Р-Романовна!

Всё утро я репетировала перед зеркалом. Говорила громко и чётко, как нас учили вчера на первом уроке. Ветка решила, что это какая-то новая игра, и лаяла не переставая. Наконец с кухни примчалась Аня в пижаме и сказала нам замолчать, а то в холодильнике молоко скиснет.

Вообще-то она сказала другое слово. Оно тоже начинается на «за», а третья буква «т». Папа говорит, что оно грубое. Поэтому я не буду вам его повторять.

– Здравствуйте, Маргарита Ломановна...

Я выговорила это громко и чётко. На весь класс.

Ну и ну.

Мальчишки у окна захихикали, но я решила не обращать на это никакого внимания.

Зато учительница мне улыбнулась и ответила:

– Доброе утро, Женя.

Моя парта – самая последняя, в первом ряду у стены. Её сделали специально для меня.

Я наклонилась и незаметно её понюхала.

Мне нравится запах новых вещей, он какой-то особенный.

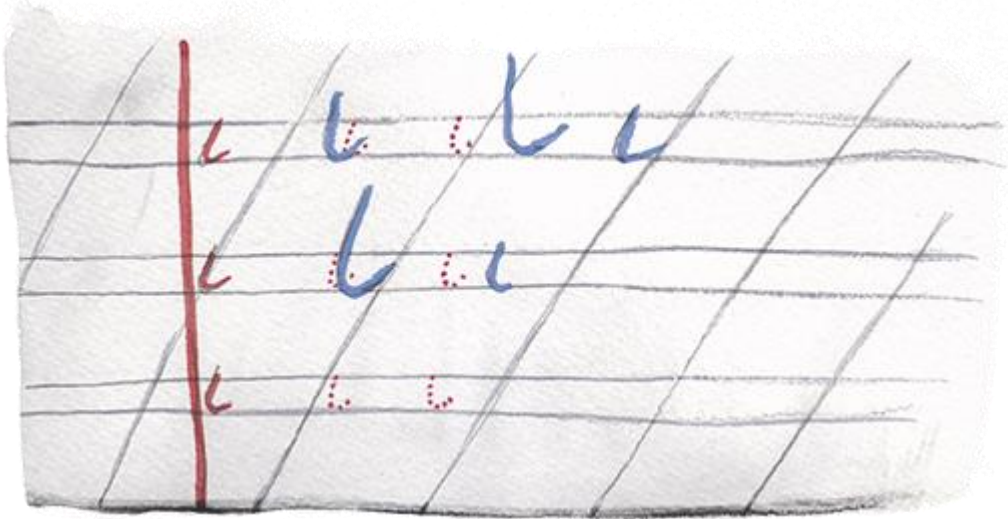
Моя парта пахла лесом, честное слово! Наверное, совсем недавно она была деревом.

Первый урок. Письмо

Я думала, мы сразу станем учиться. Но Маргарита Романовна сказала нам рисовать палочки – целых три строчки!

Печатные буквы у меня хорошо получаются, но я бы хотела писать так же красиво и непонятно, как папа.

Я выводила палочки – одну за другой, медленно-медленно. Вот так:

Но потом я подумала: всё можно сделать гораздо быстрее.

Например, так:

Я нарисовала последнюю палочку и подняла руку.

– Маргарита Романовна, я уже написала.

– Что написала?

– Палочки написала! Можно я теперь буквы буду писать?

Но Маргарита Романовна не разрешила мне писать буквы. И даже не подарила жёлтый квадратик с надписью «Молодец», который дают вместо оценок. Она сказала, что лучше ничего не выдумывать, а делать то, что задали. А потом добавила:

– Чтоб чему-то научиться, нужно долго потрудиться.

Мальчишка с последней парты повернулся и показал мне язык.

Вчера он весь день хвастался. И фамилия у него не какая-нибудь, а королевская – Королёв. И велосипед у него не простой, а какой-то «горник».

– Я точно знал, что меня на последнюю парту посадят. Выше меня никого не будет, – заливался Королёв.

И тут все посмотрели на меня. И засмеялись. А он разозлился.

– А она не считается. Может, она вообще инопланетянка.

Вот интересно, если я не считаюсь, зачем этот Королёв ко мне повернулся?

Сидит и показывает мне свой дурацкий язык – уже во второй раз.

Второй урок. Физкультура

Мы вышли на улицу. На стадионе ещё не высохли цифры и линии, нарисованные белой краской. Поэтому Маргарита Романовна отвела нас на небольшую площадку рядом со школой. Сначала мы делали приседания и наклоны. Но потом из открытого окна так запахло жареной колбасой, что у всех забурчало в животе. Мы всё время принюхивались, а мальчишки стали высоко прыгать. Они говорили, что так им достанется весь колбасный запах из школьной столовой. А девчонкам придётся нюхать только компот.

Наконец Маргарита Романовна сказала:

– Ладно, раз вы такие голодные, я научу вас одной игре. Она называется «горячая картошка».

Горячая картошка (правила игры)

Все игроки становятся в круг и перебрасывают друг другу мяч.

Если кто-то мяч не отбил, он садится на корточки в центр круга («котёл»).

Мяч можно не отбивать, а ловить в две руки и быстро (чтобы не обжечься картошкой!) перекидывать следующему игроку.

Чтобы выручить того, кто сидит в котле, нужно попасть по нему мячом.

Тогда он снова вернётся в игру.

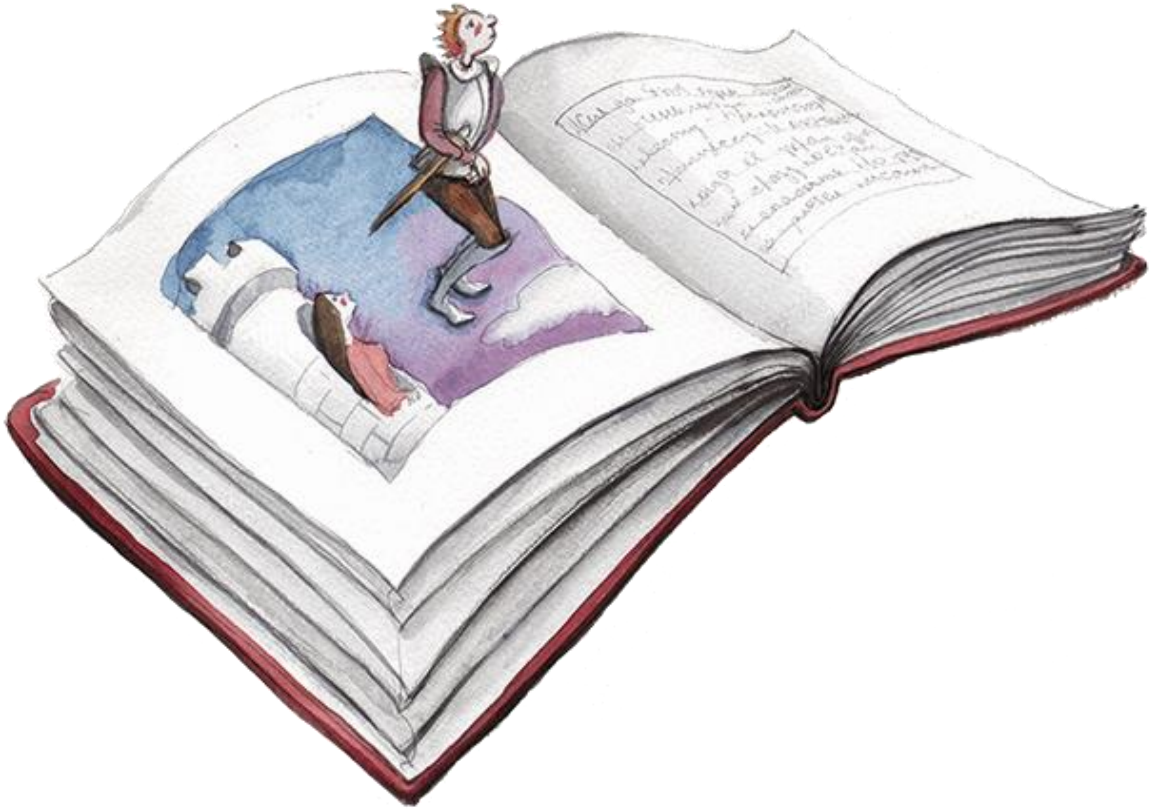
Мы стали в круг. Рыжеволосый Митя Есимчик осторожно бросил мяч Маргарите Романовне, она перекинула мяч Королёву...

– Горячая картошка против инопланетян! – завопил Королёв и пульнул мяч в мою сторону.

Я совсем не хотела оказаться в «котле» в самом начале игры. Хотя что-то в этот день должно получиться! Поэтому я отбила мяч изо всех сил.

Конечно, никто не мог поймать его на такой высоте.

Мяч просвистел над головами и... влетел в открытое окно.

Если бы я была футболистом, а школьное окно – воротами, болельщики аплодировали бы мне стоя и кричали на весь стадион:

– Го-о-о-ол!

Но вместо этого из окна школьной кухни раздался вопль:

– Су-у-у-уп!

А Есимчик заорал на всю улицу:

– Ура! Супа не будет!

Маргарита Романовна не сказала ни слова. Даже не повернулась ко мне. Наверное, после того как я утопила классный журнал, она не ждала от меня ничего хорошего.

Теперь можно даже не надеяться, что когда-нибудь у меня будет жёлтый квадратик с надписью «Молодец»...

Третий урок. Окружающий мир

Я обрадовалась: вот, наконец, сейчас будет интересно! Может, нам расскажут про динозавров или про извержения вулканов?

Но Маргарита Романовна достала из шкафа мятую тетрадку.

– Что это? – спросила она.

– Тетradка, – пискнула девочка с первой парты.

– Это не просто тетрадка. Это бумага. Бумагу делают из целлюлозы, а целлюлозу получают из самых разных деревьев: ели, сосны, берёзы... Колокольцев, отвернись от окна. – Маргарита Романовна хлопнула тетрадкой о стол. – Каждый день вы держите в руках журналы и книги...

Мне стало скучно. Про бумагу и книги я знала уже давно.

Был один важный вопрос. Я могла бы спросить у Маргариты Романовны...

Только мне кажется, она тоже не знает ответ.

И в книжках про это почему-то не пишут.

Я читала истории про путешественников, рыцарей, волшебников... Я прочитала даже Анину книжку про любовь, которая оказалась ужасно скучной. Но ни в одной книжке никто никогда не хотел в туалет. Даже злодеи.

За один день принц мог сразиться с драконом, украсть килограмм молодильных яблок, поссориться с младшим братом и жениться на самой красивой девушке королевства.

И НИ РАЗУ ему не хотелось писать!

По-моему, тут что-то не так.

Я захотела в туалет ещё на физкультуре, но решила, что смогу дотерпеть до возвращения домой.

Мне показалось, что «Окружающий мир» в сто раз длинней, чем физра с двумя переменками.

Когда прозвенел звонок, я поняла: ещё чуть-чуть – и я лопну.

Я промчалась в конец коридора, чуть не грохнулась на скользких плитках, зацепилась платьем за какой-то крючок, рванулась, услышала жуткий треск, влетела в кабинку и... поняла, что не могу закрыть дверь.

Вообще не могу – мешают коленки!

Не сидеть же мне с открытой дверью при всех!

Я вышла и стала ждать. Должны же они наконец-то уйти!

Но в туалет всё время заходили новые девочки. Вертелись перед зеркалом, брызгались водой, болтали друг с дружкой. И каждая задавала мне один и тот же дурацкий вопрос:

– Ты чего здесь делаешь?

И каждой из них я отвечала, тоже совершенно по-дурацки:

– Стою.

Так я стояла, пока не прозвенел звонок.

Хлопок дверью. Топот по коридору. Все ушли.

Уф-ф-ф...

Какое счастье!

Четвёртый урок. Труд

* * *

Я знала, что уже начался четвёртый урок.
Я вымыла руки. В четвёртый раз.
Ещё вчера я радовалась, когда складывала в рюкзак новые ножницы и цветную бумагу.
А сейчас мне туда совсем не хотелось.

По дороге домой Аня купила мне мороженое. Всё-таки здорово, когда у тебя есть сестра! Особенно в начале недели, пока она не потратила все карманные деньги.
– У тебя платье порвалось – сказала Аня.
– А у тебя ногти зелёные, – буркнула я.

Как будто я сама не вижу. Хорошо, что разорвалось просто по шву – мама сможет зашить.

Я представила, что завтра опять школа, и у меня прямо живот заболел от тоски. К сожалению, недостаточно сильно...

И тут мне в голову пришла отличная мысль.

– Слушай, – сказала я Ане, – ты иди домой, а я чуть-чуть погуляю.

Теперь я ТОЧНО знала, что мне надо делать.

Я трезвонила в дверь минут пять, а Мишка всё не открывал.

Наконец он появился, сонный, с завязанным горлом.

Он уже неделю болел какой-то жуткой ангиной. Мы даже по телефону поговорить не могли, потому что вместо слов из него выдавливалось какое-то хрипенье и бульканье, как из Аниного испорченного плеера.

– У тебя платье порвалось, – прохрипел Мишка.

Ну и друг! Лучше бы поздоровался.

– Мишка, мне нужны твои микробы.

– Чего?! – Мишка обалдело уставился на меня.

Я не стала ждать, пока он вежливо пригласит меня в дом. Я, как Машенька из сказки про трёх медведей, протопала в Мишкину комнату и села на его кровать. А потом стала пить из его чашки. Там был какой-то кислый компот, но я всё равно выпила всё до конца и даже края чашки облизала. Чтоб уж наверняка.

– Понимаешь, Мишка, – сказала я, – нужно, чтоб я заболела.

– Зачем? – удивился Мишка.

– В школе всё плохо. Если я заболею, учительница про меня забудет, понимаешь? А потом я приду... ну, например, через месяц. И она увидит какую-то новую девочку.

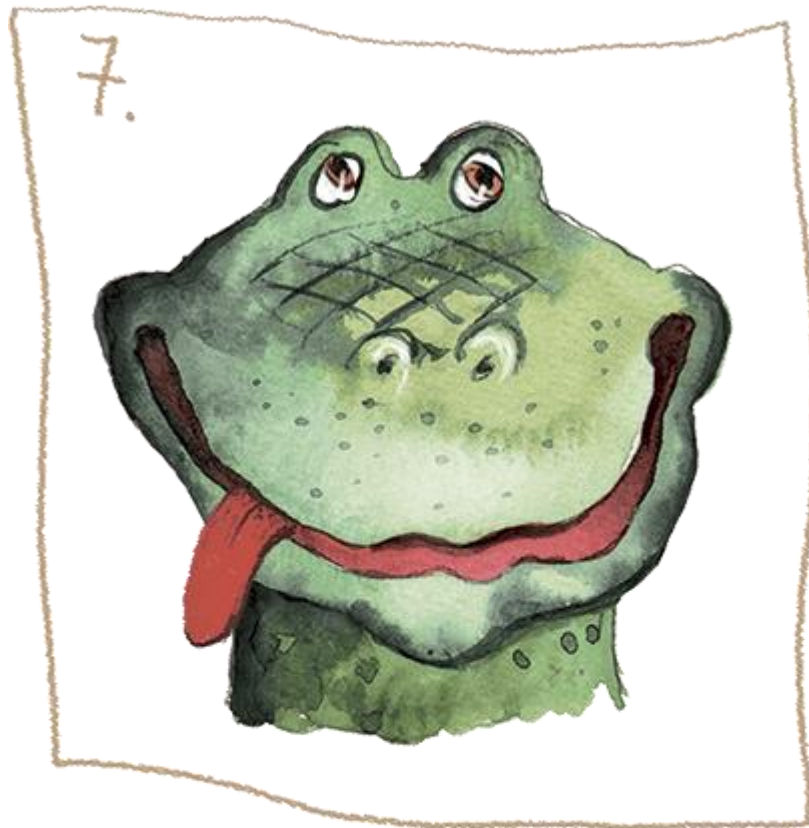
– И что?

Нет, Мишка от своей ангины точно стал хуже соображать.

– Я ей понравлюсь, вот что. Я даже примеры умею решать. И может... может, она мне тоже понравится, если я её забуду... И улыбаться я уже смогу.

– А сейчас чего, не можешь?

Я показала Мишке крокодильскую улыбку номер семь.

СПЕЦИАЛЬНАЯ КРОКО-
ДИЛЬСКАЯ УЛЫБКА
ДЛЯ ПРИМАНИВАНИЯ
САМЫХ ОПАСНЫХ
МИКРОБОВ.

Мишка поперхнулся своим кислым компотом.

– Ты прям на себя не похожа, – прохрипел он. – А вообще мне нравится. Это... ну, как это... оригинально, вот!

Мишка всегда найдёт слова, чтобы меня утешить.

Всё-таки он мой лучший друг.

После Мишки я отправилась на третий этаж, к Соне.

– Сонь, у тебя бабушка чем-нибудь болеет?

– Болеет. Радикулитом, – радостно сказала Соня. – У неё какой-то прострел случился, она в поликлинику пошла. А кашу я Люку скормила. Он слопал. Его хозяин, наверное, вообще не кормит. Представляешь?!

Соня умеет говорить очень громко и очень быстро. С такой же скоростью, как Аня молотит по клавиатуре, когда болтает с подружками «Вконтакте».

Поэтому я быстро перешла к делу.

– А микробы радикулитные бывают?

– Не знаю... – Соня задумалась. – Может, они на платке шерстяном остались? Бабушка им спину завязывала.

Я выпросила у Сони платок, замотала им спину и пошла вверх по лестнице.

Кажется, у меня что-то чесалось, глубоко в носу.

Я надеялась, что там созрел будущий чих.

Сначала Аня не хотела меня отпускать. Я пришла взять Ветку и заодно выпросить денег на ещё одно мороженое.

– Ты что, собираешься гулять в этом платке?

У Ани вообще странный вкус. В джинсах с дырками пойти гулять можно, а вот в бабушкином платке – ни за что.

– Мне холодно.

– Тогда зачем тебе мороженое?

– Мне жарко. спине и животу холодно, а голове жарко... Хочешь, я за тебя сегодня Ветку выгуляю?

– И завтра тоже, – сказала Аня и полезла в рюкзак за кошельком.

Мы с Веткой купили одно эскимо на двоих. Я старалась откусывать там, где оставались отпечатки её зубов.

Думаю, у собак тоже найдутся вирусы, которые могут мне пригодиться.

Вечером стало понятно, что ничего у меня не вышло. Даже микробы моего лучшего друга отказались мне помогать.

Я чувствовала себя просто отвратительно хорошо!

В коридоре было темно. Из приоткрытой двери на холодный пол падала полоска жёлтого света. Я стала на эту тёплую дорожку босыми ногами. Было так тихо, как будто я осталась одна во всём космосе, и даже моль, которая всегда живёт в наших шкафах, исчезла навеки.

– Жень, ты что не спишь?

Мама открыла дверь. И вместе с жёлтым светом в пустой коридор выплеснулась любимая мамина музыка, и тепло её комнаты, и запах чая с мятой.

И я заорала – на весь космос:

– Мама! Возьми меня на ручки!

Я даже не думала, даже не собиралась её об этом просить. Честное слово!

Это получилось как-то само собой...

Мама выключила музыку и села на диван. Я устроилась у неё на коленях.

Мне хотелось стать совсем крошечной.

Как точка. Как прошлогодний каштан, который мама носит в кармане.

– Ты моя большая маленькая дочка, – тихо сказала мама.

Я попробовала положить голову ей на плечо, но у меня ничего не получилось. Моя голова была слишком высоко – никак не дотянешься до мамы.

– Мам, я не хочу ходить в школу.

– Почему?

Я не могла объяснить. Искала слова, перебирала их, как разноцветные бусины... Все они были не те. А мне так хотелось, чтоб мама меня поняла!

– Мне там не нравится. Понимаешь, мне школа... мала.

– А ты подожди немножко, – улыбнулась мама. – Вот привыкнешь – и школа твоя подрастёт.

Её пальцы пробежали вверх по моей руке – как будто маленький человечек. Раньше мы так часто играли.

– И не стоит расстраиваться из-за всякой ерунды.

Мне нравится, что мама никогда не унывает. С ней весело. Но сейчас... она меня не слышала. Просто отбросила мои слова. Как будто мы играли в «горячую картошку» и это был мяч, который нужно скорее отбить.

Я встала.

Я ведь понимаю – маме неудобно держать меня на коленях так долго.

На спинке стула висела моя матроска. Пятно от мороженого мама уже застирала и дырку зашила – так, что стало совсем незаметно.

Теперь для моего платья этого дня как будто и не было.

День четвёртый
3 сентября, четверг

Дорога в школу была как река. Обгоняя друг друга, неслись первоклашки. Спокойно шли пятиклассники. Старшеклассники вообще никуда не торопились.

Я шагала так медленно, что отстала даже от Аньки.

– Здравствуйте, Маргарита Романовна, здравствуйте, Маргарина Кармановна, здра...

Нас обогнали две старшеклассницы. Они шли, цокая каблуками, помахивая блестящими сумками. А потом обернулись, уставились на меня и на Аньку, захихикали.

– Ну и чучело! – голос был противным и тонким.

Я сразу поняла, что Аня тоже это услышала.

Сегодня она победила маму и пошла в школу в своих любимых дырявых джинсах, папиной белой рубашке и чёрном галстуке.

По-моему, она в сто раз красивее, чем эти цирковые лошади.

А может... может, они сказали это обо мне?

– Слушай, я побегу, ладно? – затараторила вдруг Аня. – Я забыла: сегодня наш класс дежурит.

Я даже ответить не успела – её уже не было.

А вдруг она убежала из-за меня? Просто не хочет, чтоб нас видели рядом.

Я остановилась. Потрогала языком дырку от зуба.

Кажется, где-то внутри меня тоже получилась дырка.

Первый урок. Музыка

Все пошли по лестнице вверх. А я повернула вниз.

Тёмный закуток. Над головой – острые углы ступенек. Ржавая дверь с таинственной надписью «Склад».

Отличное место, чтобы спрятаться.

Если я просижу тут весь день, меня ТОЧНО выгонят из школы. Недели на две. А если повезёт – на целый месяц...

Я села на пол.

В моём углу было тихо и холодно, как будто меня проглотило какое-то старое и пыльное чудовище. Всё-таки прогуливать уроки ужасно скучно!

Я почти заснула. И вдруг меня разбудил чей-то звонкий голос:

– Эй! Ты от кого тут прячешься?

Я открыла глаза. И увидела огромную оранжевую кастрюлю.

– Что, совсем всё фигово?

Мама считает, что так говорить некрасиво. Она всегда нам с Анькой про это напоминает.

Но не могла же я сказать это оранжевой кастрюле!

И потом... Вот она сразу всё поняла – не то что родная сестра!

– Ага... – я хлюпнула носом. Не хватало ещё разреветься.

Вдруг из-за кастрюли выглянула девушка. Она была такой маленькой, что я даже не заметила её в темноте.

– Слу-у-ушай, – заулыбалась девушка. – Это же ты меня спасла!

– Я никого не спасала. Вы кто?

– Я Катя Булкина. Ну-ка, вставай. Как раз ТЫ мне и нужна.

– Как это?

– Так это. Кастрюлю вместе доташим – это раз. И поможешь сметанники съесть – это два. А то у меня десять штук подгорело. Я их видеть уже не могу!

Окно на кухне было открыто, но всё равно там здорово пахло гарью. Сметанники были очень вкусными, а чёрную корочку мы отковыряли.

– Ты меня правда спасла! – сказала Катя с набитым ртом. – Я ж на повара училась. Вот меня к вам в столовую и отправили. А я суп пересолила. Нечаянно. Всё, думаю, попробует директор мой суп – точно выгонит. А тут твой мячик – БА-А-А-БАХ! Представляешь, как мне повезло!

Мы складывали картофелины в новую оранжевую кастрюлю.

– Главное, чтоб не подгорела, – вздохнула Катя. – Я всякие супы и котлеты делать не люблю. Скучно. А по булочкам у меня всегда пятёрки были.

Кажется, мы одновременно посмотрели на блюдо с почерневшими сметанниками.

– Ну, эти я передержала, – вздохнула Катя. – Нечаянно... Как на кухню идти, запомнила?

Я кивнула.

– Ты на переменах заходи. А то я, кроме тебя, тут никого не знаю.

– Зайду.

И мне сразу захотелось приходить к ней на переменах.

Наверное, подействовали Катины сметанники: в животе у меня стало тяжелее, а вот на душе – легче.

Катя улыбнулась. Она была похожа на булочку – с круглыми ямочками на щеках, как будто от выпавших изюминок.

Я слышала, как прозвенел звонок. Школа наполнилась криками – и опять стало тихо.

Второй урок. Математика

Наверное, сейчас в первом «Б» пишут цифры. Несколько рядов единиц и нулей.

Жалко, что нельзя учиться у Кати на кухне.

Одну задачку мы с ней уже решили.

ЗАДАЧА

У ПОВАРА КАТИ ПОДГОРЕЛО 10
СМЕТАННИКОВ. 5 СМЕТАННИКОВ
СЪЕЛА КАТЯ. 3 СМЕТАННИКА
СЪЕЛА ЖЕНЯ.

СКОЛЬКО СМЕТАННИКОВ
ПРИДЁТСЯ СКОРМИТЬ ПТИЦКАМ?

Я уже знаю ответ. А вы?

Я снова сидела под лестницей, рядом с дверью, на которой было написано «Склад».

Вот бы уснуть, крепко-крепко, а проснуться, когда уроки уже закончатся.

Я закрыла глаза и считала хмурых не улыбочивых крокодилов:

– 185, 186, 187...

Бедняги, они даже не знали, что на свете бывают крокодильские улыбки.

– Привет, первоклашка! – я снова услышала чей-то голос. Похоже, под этой лестницей невозможно спрятаться. – У тебя ноги торчат. Сразу видно, что ты там сидишь.

Голос доносился откуда-то сверху. Я выползла из убежища и подняла голову. На лестнице стоял Герман – тот самый усатый старшеклассник, что вёл меня за руку первого сентября.

– Ты как, не очень занята?

Я задумалась. Наверное, всё-таки не очень.

– Тогда пошли в актовый зал. Поможешь нам шарики вешать. А то уже ноги отваливаются по табуреткам скакать.

– А зачем шарики? – удивилась я.

– Ты что, афиши на дверях не читала? Сегодня концерт.

– Настоящий концерт?!

– Нет, игрушечный, – фыркнул Герман. – Рок-группа «Ангелы тумана» – это круто! Поняла? У нас вход только для десятых и одиннадцатых классов. Так что тебе нереально повезло!

Я не стала с ним спорить. Повезло так повезло.

В актовом зале была сцена. А на сцене – целая куча музыкальных инструментов: барабаны, гитары, странное пианино без ножек. Даже какая-то гнутая труба... Герман сказал, что это саксофон.

Музыкантов было пятеро. Они учились в одиннадцатом классе, а выглядели как настоящие взрослые дяденьки. У одного даже росла чёрная борода, и все называли его «Петрович». Герман еле-еле доставал им до плеча. И всё-таки он был среди них главным. Он запрыгнул на сцену, и все сразу перестали шуметь и ругаться друг с другом.

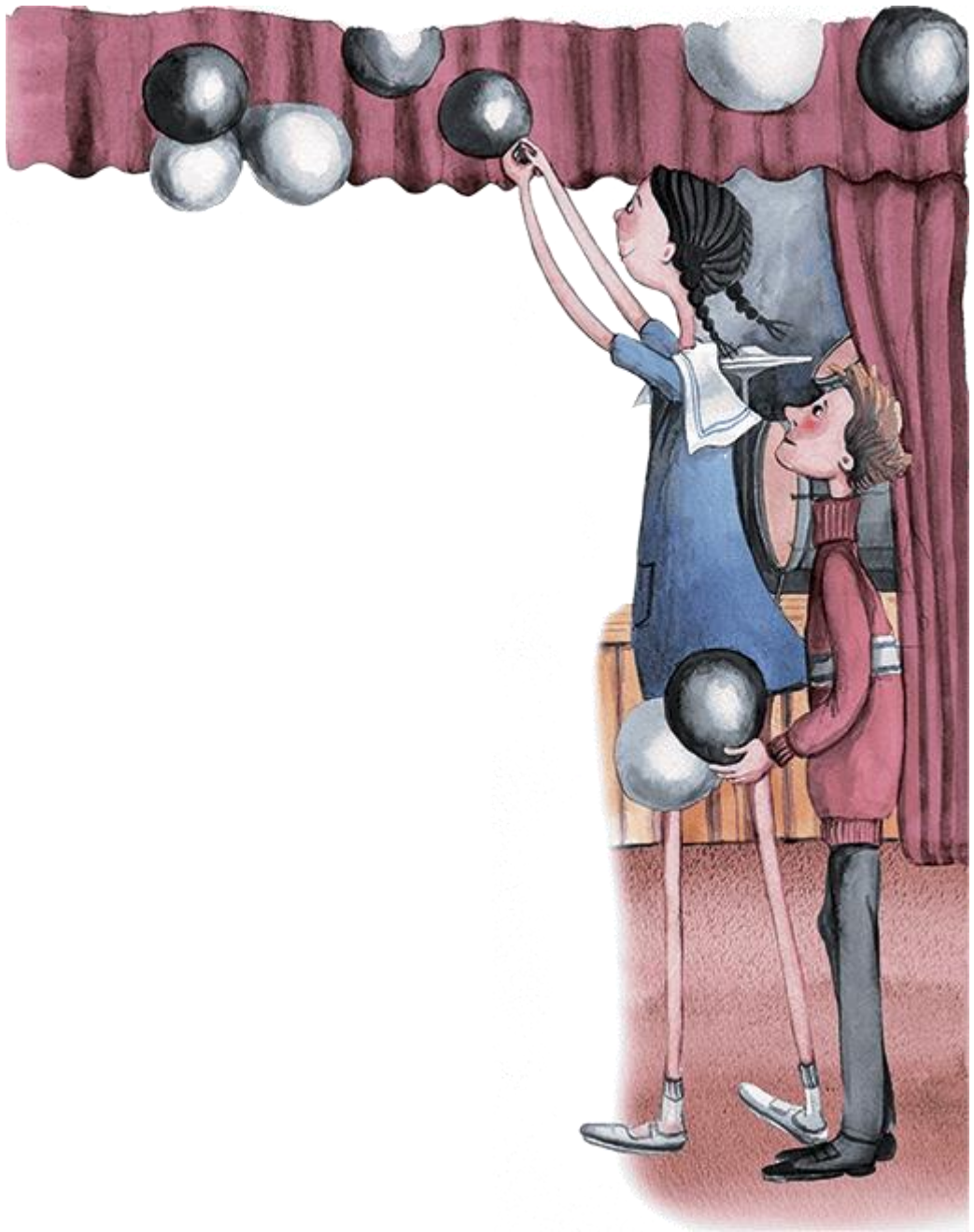
Никогда не думала, что настоящая музыка может получиться из одних барабанов. Я слышала, как едет поезд, и как шумит ветер, и как дождь колотит в окно... У меня даже мурашки побежали по коже.

Музыка кончилась.

– Ирисуку будешь? – спросил Петрович.

– Не-а. Она сладкая, я только «Взлётные» люблю.

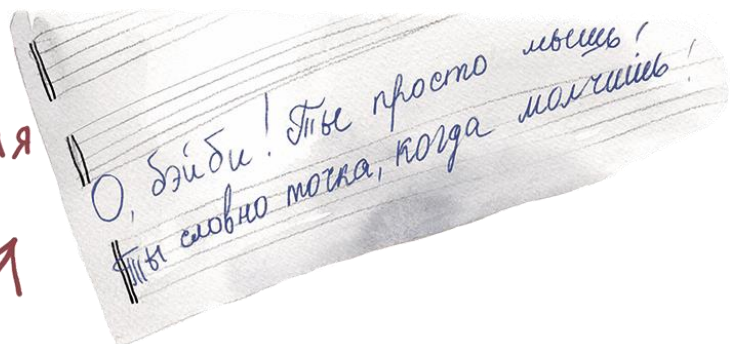
– Наш человек! – обрадовался Петрович. – Тогда пошли шарики вешать.

Мне подавали воздушные шарики – чёрные и белые. А я украшала ими окна и занавес. Получалось красиво.

Когда я делаю что-то приятное, мне хочется петь. Это происходит само собой. Вот и сейчас я запела любимую Анину песню. Она очень странная – как будто взяли кусочки от разных пазлов и сложили из них картинку.

ЛЮБИМАЯ
АНИНА ПЕСНЯ

– А громко можешь? – поинтересовался Петрович.
Я не очень люблю петь при всех. Но сейчас я стояла на подоконнике. Если не опускать глаза, можно подумать, что вокруг вообще никого нет.

О, бэйби, бэйби!
Ты просто мы-ы-шь!!

Я пела громко. По-моему, получилось здорово. Мне самой понравилось.
– Нормально, – сказал Герман, когда я допела последнюю строчку. – Что такое «бэйби», знаешь?
– Конечно знаю, – обиделась я. – Это маленький ребёнок на английском.
– Хочешь, приходи в понедельник на репетицию? Такой солистки точно ни у кого не будет!
Согласна, бэйби?
– Я подумаю.
Я спрыгнула с подоконника.
Прозвенел звонок. Это закончилась математика. И я поняла, что уже не хочу, чтобы меня выгоняли из школы.

Третий урок. Рисование

Я боялась, что Маргарита Романовна станет сердиться. А она как будто и не заметила, что меня не было. Поставила на мой стол банку с водой и сказала рисовать аквариум.

Мой аквариум был круглым, с длинной травой и разноцветными треугольными рыбами.

Ещё я нарисовала затонувший корабль и маленький пиратский скелет.
И тут поняла, что мне надо выйти.
Немедленно!
ПРЯМО СЕЙЧАС!

Я подняла руку, но Маргарита Романовна этого не заметила. Она что-то писала в тетрадках. Их была целая башня, и, кажется, она не собиралась из этой башни выглядывать. Она запросто могла просидеть там сто лет!

Я нарочно чихнула.

– Будь здорова, – сказала Маргарита Романовна, не отрываясь от своих тетрадок.

Я вытянула руку так высоко, что у меня даже подмышка заболела. Во мне плескался аквариум. Огромный и круглый. А я ничего не могла сделать.

Нам ещё первого сентября сказали, что Настоящие Ученики никогда не встанут со своего места без разрешения.

Не могла же я опять всё испортить!

Я старалась не шевелиться. У меня ужасно чесался нос, но я боялась до него дотронуться. Кажется, я даже дышать перестала.

Наконец Маргарита Романовна подняла голову:

– Тебе что-то нужно, Женья?

И в эту самую секунду я поняла, что мне уже... НИЧЕГО НЕ НУЖНО.

И это было ужасно!

Платье у меня стало мокрым и тёплым.

Я опустила руку.

Даже если я заболēju на три месяца, да хоть на полгода, ЭТОГО никто не забудет.

Я так и останусь для всех «дылдой, которая умудрилась описаться на уроке рисования». Как маленькая!

Я сидела и рисовала чёрные полосы на оранжевой треугольной рыбе. Сама не знаю зачем. Я окунула кисточку в банку, и голубая вода потемнела. Она стала какого-то бурого цвета – как сегодняшний день, в котором за одну минуту исчезло всё хорошее.

Я посмотрела на банку, и вдруг...

Я вспомнила, как Мишкин дедушка рассказывал, что в его детстве писали специальной краской, которая называлась чернила. Однажды он получил двойку и сделал в дневнике чернильную кляксу. Правда, дедушка перестарался и вместе с двойкой по чтению закрасил пятёрку по физкультуре. Поэтому за двойку его не ругали, но и за пятёрку никто хвалить не стал – её просто не было видно.

Эта чёрная вода поможет мне всё исправить.

Я придвинула банку поближе к краю...

Ещё ближе...

Чуть-чуть...

Потом наклонила...

И дальше всё произошло само собой: банка упала, вода потекла – на стол, на платье, на стул, на пол, – заливая всё черными ручьями.

Теперь у меня будет ещё один любимый цвет!

Мargarита Романовна вскочила и побежала в коридор – за шваброй.
 Все сразу же перестали быть Настоящими Учениками и кинулись ко мне.
 Только Королёв продолжал сидеть с прямой спиной – как Самый Лучший Отличник с первой страницы учебника.

Яна притащила испачканную в меле тряпку, Макаров спасал мою картинку, а девочка Саша схватила бумажные полотенца, и мы стали вытирать моё мокрое платье. У Саши была смешная мальчишеская стрижка и сломанный верхний зуб.

– Это я с яблони грохнулась, – сказала Саша. – Сиянок прошёл. Жалко, зубы не вырастут.

– А у меня – вот как! – Я вдруг взяла и улыбнулась. Во весь рот. – Представляешь? За один день всё выдернули.

– Кошмар! – с уважением сказала Саша. – Я бы орала на всю поликлинику.

Мы бы ещё говорили, но тут пришла Маргарита Романовна. И сразу прозвенел звонок. Урок рисования был окончен. Все понеслись в гардероб. А меня Маргарита Романовна попросила остаться.

Теперь пол в нашем классе стал самым чистым – ведь его мыли два раза. Сначала чёрной водой, а потом – обыкновенной.

Начался дождь. Наверное, где-то там, наверху, тоже решили сделать уборку и отмыть асфальт от рисунков, а листья – от пыли.

Маргарита Романовна сняла очки. Я вдруг поняла, что она совсем не старая.

– Я себя без очков даже не помню! – сказала она. Дохнула на стекло, а потом стала протирать его специальной тряпочкой.

– Как это? – удивилась я.

– Так. У меня очки – всю жизнь. На всех фотографиях. Тогда оправы жуткие были – чёрные, круглые... Знаешь, как очкариков дразнили? У кого четыре глаза, тот похож на водолаза!

– А вы что делали?

– Сначала редела. Потом подралась – ракеткой для бадминтона.

– Мишкин дедушка носит очки. Мне нравится.

– А кто это – Мишка? – она спросила так, что я сразу поняла – ей и правда интересно узнать.

– Мишка – мой самый лучший друг. А ещё у меня есть собака...

Дверь с грохотом распахнулась, и в класс влетела Аня.

– Жень, у нас химичка заболела! – завопила она. Потом увидела Маргариту Романовну

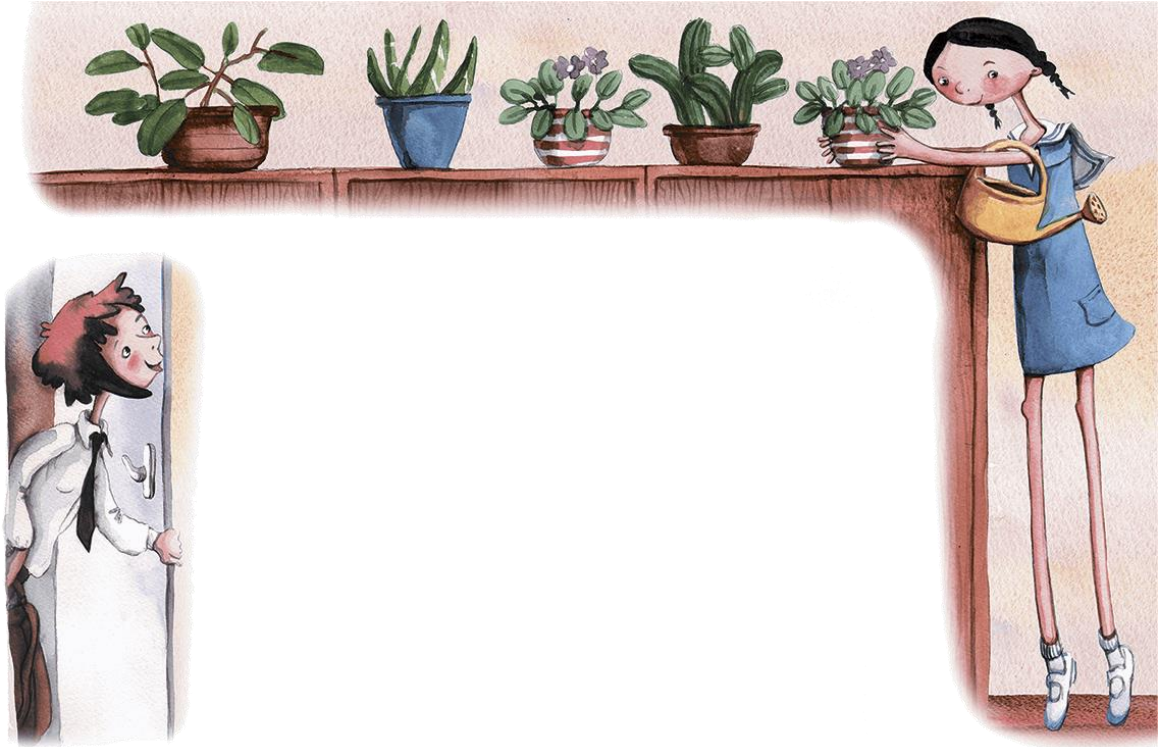
и сказала уже потише: – Ой, здарсьте. У нас... это... учительницы химии нет. Можно мы пойдём домой?

Маргарита Романовна надела очки и опять превратилась в строгую учительницу:

– Хорошо, идите. Я только дам Жене задание.

– Это на дом? – обрадовалась я. Нам ещё ничего не задавали, как будто мы не школьники, а какие-то малыши.

– Это не на дом. Это на целый год. А может, и больше.

Вот тут я уже испугалась. Вдруг мне придётся решать длиннющий учебник примеров? Аня всегда жаловалась, что дольше всего делать математику.

– Видишь, сколько у нас цветов? – спросила Маргарита Романовна.

Я кивнула. На всех шкафах стояли цветочные горшки с фикусами, фиалками и какими-то развесистыми кактусами.

– На подоконники их ставить не разрешают, – продолжала Маргарита Романовна. – А на шкафах про них забывают. Купим новый цветок – а он засыхает. Будешь дежурным по цветам: поливать, протирать листья...

Вот здорово! Я хотела начать дежурить прямо сейчас. Но Маргарита Романовна сказала, что сначала мне самой нужно высохнуть, а потом уже поливать цветы.

А ещё она отдала нам свой красный зонтик.

Я не люблю ходить под зонтом, но Маргарита Романовна сказала, что это глупости.

– Ты что, хочешь совсем промокнуть?

Вообще-то я и так была достаточно мокрая. Даже в туфлях у меня хлюпала чёрная вода.

Поэтому я не стала с ней спорить.

Когда мы вышли, начался настоящий ливень. Всё-таки хорошо, что у нас оказался зонт. Набирая скорость, капли стучали по машинам, по тяжёлым листьям. Наверное, дождь нажимает на специальную кнопку, что-то вроде «ускорения».

Накрывшись пакетами, пробегали прохожие.

Только мы с Аней шли медленно.

– Эй! – я услышала знакомый голос и оглянулась.

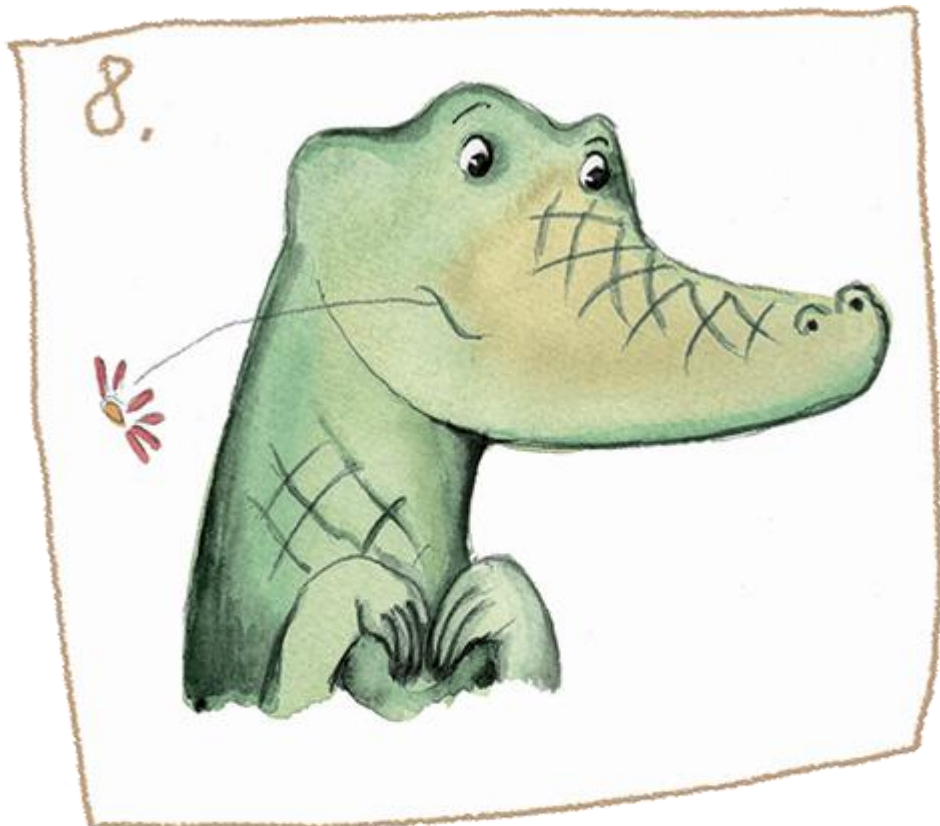
За нами шагал Королёв в оранжевом дождевике. Его картинка промокла, и аквариума почти не было видно. Может быть, рыбы теперь стали свободными и уплыли...

– Инопланетянка! – пропел Королёв противным дразнильным голосом и побежал прямо через лужи.

Наверное, испугался, что мы с Аней за ним погонимся.

Как будто нам больше делать нечего!

Я улыбалась. Это была крокодильская улыбка номер восемь.

КРОКОДИЛЬСКАЯ УЛЫБКА -
НЕВИДИМКА
(ОНА ТАКАЯ МАЛЕНЬКАЯ, ЧТО ЕЁ НИКТО
НЕ ЗАМЕЧАЕТ. НО КРОКОДИЛ
ТОЧНО ЗНАЕТ, ЧТО ЭТА УЛЫБКА
У НЕГО ЕСТЬ).

Моя матроска уже чуть-чуть высохла. На ней остались чёрные пятна, но, думаю, у мамы получится их отстирать.

Мне вдруг стало так хорошо – как будто все эти дни я несла на плечах тяжеленный рюкзак, а сейчас его смыло дождём.

И я запела любимую Анину песню. Совсем негромко:

– О, бэйби, бэйби... – пела я.

– Ты просто мы-ы-ышь! – подхватила Аня.

И дальше мы пели уже вместе. Нет, мы даже не пели. Мы орали на всю улицу, как ненормальные!

О, бэйби, бэйби,
Ты просто мы-ы-ышь!!!

Хорошо, что вокруг никого не было. Только мы вдвоём.

Красный зонтик закрывал нас от холодных капель. А жёлтый квадратик с надписью «Молодец» я спрятала в карман. Маргарита Романовна дала мне его за рисунок.

